

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

МОРАЛЬ

С
МАРКСИСТ-

СКОЙ

ТОЧКИ

• ЗРЕНИЯ •

ИЗДАТЕЛЬСТВО :ПРОЛЕТАР

1192
335

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

201-89
5436-3

МОРАЛЬ

С МАРКСИСТСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

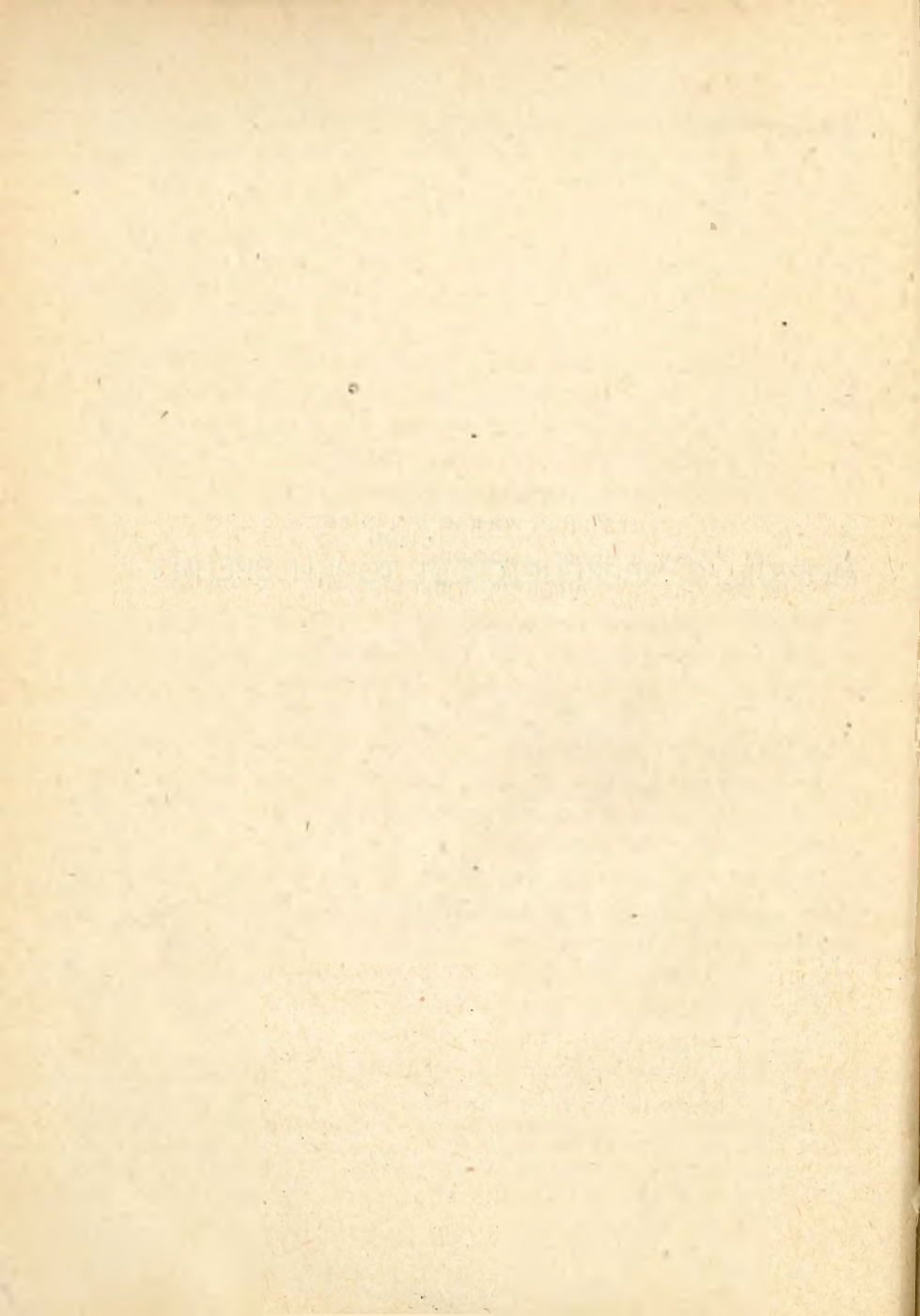

ххv-30853

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОЛЕТАРИЙ
1925

Напечатано в Севастополе
во 2-й Государств. типографии
„Крымполиграфтреста“ в колич.
8.000 экземпляров. Зак. № 2721.
Уполном. Крымлита № 728.

МОРАЛЬ С МАРКСИСТСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Этот доклад называется „Мораль с марксистской точки зрения“ не потому, что я хочу удержать в нашем словаре слово „мораль“. Если переворот, решительным началом которого является наша революция, придет к концу и произойдут ожидаемые нами существенные изменения в общественной жизни, то придется, вероятно, отбросить и самое слово „мораль“.

Во всяком случае, в глазах большинства буржуазных мыслителей „мораль“ и по сию пору остается явлением загадочным, не от мира сего, противоречащим всем остальным естественным силам. Почему это мнение возникло и так твердо укоренилось? Чтобы подойти к освещению теории морали, я возьму такого крупнейшего мыслителя, впервые начавшего ясно осознавать основы буржуазного общества, как Адам Смит,— автор книги „О богатстве народов“.

Адам Смит исходит из такого представления: для того, чтобы построить общественную науку о хозяйстве человеческих обществ, надо исходить из положения, что каждый человек—эгоист и стремится к собственной выгоде. Правда, потом Смит издал другую книгу, в которой он говорит о социальных проявлениях морали, о человеколюбии, о жалости, чувстве братской солидарности, но всему этому он не придавал большого значения. Если можно было построить правильную доктрину, отражающую хозяйство, т. е. основу человеческого общества, положив в основу эгоизм; если,

приняв человека за эгоиста чистокровного, можно было создать картину, которая на девяносто девять сотых совпадает с действительностью, то ясно, что каждый человек на девяносто девять сотых действительно эгоист. Это не было искусственное построение Адама Смита, это было точное отражение того, что в это время выявилось в человечестве, и напрасно нам говорят поклонники старины, что так было только в XVIII веке в Англии, когда начала окончательно складываться капиталистическая система, а раньше, в предшествовавшие века, — будто бы этого не было. Это неправда. Уже в XVII веке англичанин Гоббс говорит, что если бы не было государства и если бы оно цепями полицейского режима не сковывало людей, то они пожрали бы друг друга. Не напоминает ли это нам старую римскую поговорку: человек человеку волк, — монументальное выражение все той же истины?

Разумеется, можно было бы сделать изыскания в далекой древности, и мы пришли бы к выводу, что в самых древних надписях, какие мы имеем, например, на египетских гробницах, мы уже находим следы глубоко утвердившегося факта, что своя рубашка ближе к телу, что человек заботится о себе самом, что в результате происходит столкновение интересов, что это восстанавливает человека против человека, народ — против народа и класс — против класса. Каждому человеку свойственно желать быть сытым, одетым, иметь жилище, все необходимое для жизни и, повозможности, излишек, и это самое основное. Сознанию каждого индивидуума, — будь то интеллигент, буржуй, приказчик, хлебопашец, — присуще представление о том, что это есть естественная, нормальная, натуральная потребность, что человеку свойственно быть эгоистом.

Но дело в том, что при полном проведении эгоизма в жизнь никакое человеческое общежитие не было бы возможно. Надо каким-то образом создать компромисс, надо, чтобы люди между собой не враждовали, иначе жизнь стала бы опасной и даже невозможной. В целях самообороны люди должны заключать оборонительные союзы, и мы эти союзы на каждом шагу видим в виде семьи, рода, цеха, общины, государства. Внутри каждого такого объединения господствует какой-то договор, какое-то начало, соглашение, в которых я поступаю своим эгоизмом, вы поступаете своим; соглашение, в силу которого наш индивидуальный эгоизм мы сочетаем в общий групповой эгоизм. Казалось бы, можно прийти к выводу, что это тоже естественно.

Действительно, спустя десять лет после Адама Смита выступил Иеремиа Бентам, который старался всякую мораль объяснить чисто научно. Он говорил, что всякий человек — эгоист, но это не значит, что он дурак. Эгоист — это он эгоист, но умный. Он прекрасно знает, что если он будет вести себя, как зверь, то соседи соберутся и укокошат его. Стало-быть, нельзя затрогивать интересы других. Из этого столкновения интересов вытекают некоторые правила поведения. В чем же они заключаются? В том, что человек, будучи эгоистом, всегда поступает так, чтобы получить больше выгоды при наименьших затратах и жертвах. Но при всем этом необходимы были сговоры, необходимы компромиссы, и отсюда становится ясным, что каждая отдельная личность тем скорее может найти удовлетворение своему эгоизму, чем больше у нее союзников, чем более таких людей, которые, в свою очередь, ей каким-нибудь образом служат, как и она им. Бухгалтерия каждой отдельной личности остается благоприятной общественному

строю и вытекает из этого утилитарного расчета. В конце концов, она покоится, по Бентаму, на таком правиле: каждая личность стремится осуществить такой общественный строй, при котором наибольшее количество людей получало бы наибольшее счастье. Если личность направила так свою деятельность, чтобы завоевать наибольшее счастье всех, и все так же будут думать, то такое общество будет внутренне солидарно, и в результате каждый человек получит наибольшие выгоды.

Другой английский мыслитель, Дж. Стюарт Милль, пошел дальше Бентама. В самом деле, правило гласит: „Надо стремиться к наибольшему счастью большинства“. А если это счастье требует, чтобы я умер, пожертвовал самой жизнью? Возьмем простой пример: если на Англию нападут враги, — надо защищать ее, надо идти на войну, надо убивать и умирать. Каким образом это можно сочетать с эгоизмом? Как можно вывести самоотверженный патриотизм из стремления человека к самообороне? Получается, что в нем естественное чувство самосохранения оказывается слабее, чем коллективная оборона целого. Но это нельзя вывести из эгоизма. Здесь выступает на первый план не расчет, а чувство, которое не спрашивает о том, выгодно это или нет, а хватается человека за сердце и ведет туда, где индивидууму до крайности невыгодно быть.

В этом смысле попытка Бентама как будто рушилась, ведь, на самом деле мы видим такие явления на каждом шагу. Государство крайне заинтересовано в том, чтобы воспитать граждан в духе самоотверженного патриотизма. Его первое правило: умей кровью своей защитить родину! Если бы мы вникли немного глубже и раскрыли бы корни буржуазной морали, то мы

увидели бы, что не только отечество требует такой жертвы, но часто личности жертвуют для своего класса, если этого требует классовая солидарность. В сущности говоря, и под патриотизмом кроется классовое чувство. Ибо, когда человек, для которого отечество является пьедесталом его величия, говорит, что каждый человек обязан защищать свою родину, это значит, что он убеждает таким образом тысячи людей, для которых родина ничего не сделала, для которых родина является пирамидой, давящей на плечи, защищать это отечество, развивать патриотическое чувство к стране, где патриотизм фактически приносит пользу меньшинству. Стало-быть, меньшинство заинтересовано в развитии этих не-критических чувств, которые могли бы толкать личность на ряд действий, полезных обществу, заинтересовано в том, чтобы люди не критиковали, а принимали это на веру и для этого жертвовали собой. Это-то и есть область морали в самом широком смысле этого слова.

Мораль есть такая сила, по мнению буржуа, которая заставляет человека уйти от своего эгоизма, поступиться им для чего-то высшего и большего. Попытка Бентама вывести такое построение из простого расчета не удалась. Из чего же его вывести?

В человеческих обществах, относительно которых мы только что установили, что сознание лежащего в их основе эгоизма было свойственно с древних времен человеку, в этих обществах действовала моральная сила, ибо ни одно общество, основанное на простом эгоизме, где никто не поступался бы своими интересами, существовать не могло.

Общество предполагает солидарность, связь, жертву, и мы видим, что объяснить это сознанием, договором

эгоистов нельзя. Значит, надо прийти к выводу, что тут действует какая-то другая, посторонняя эгоизму сила.

Буржуазное сознание в значительной степени толкает на признание себя эгоистом, потому что практика буржуазии — эгоистическая. Она склонна так и судить: если бы я был предоставлен самому себе, то я был бы эгоистическим зверем, но во мне есть что-то высшее, что принуждает меня подняться выше зверя. В варварских обществах мораль приобретает религиозный характер. Общество не отдает себе отчета, откуда мораль взялась, хотя знает, какая мораль соответствует его интересам. Мораль для господствующих классов выгодна, и, стало-быть, господствующие классы примитивных обществ заинтересованы в том, чтобы мораль существовала и служила бы сознательным верхам. В сущности говоря, все догмы религии, рассматривая их с точки зрения общественных отношений, сводятся к санкционированию, к освещению определенной морали. Правда, государство имеет другой способ принуждать подчиняться и жертвовать единичными интересами для целого, даже в том случае, когда человек вынужден всю свою жизнь служить, не имея никакого просвета, когда его личные интересы сопротивляются общественным интересам, его подавляющим; даже в этом случае меч палача, плеть надсмотрщика или какое-нибудь другое орудие пытки могут заставить его подчиниться. Само государство, по мнению Маркса, есть организованное насилие господствующего класса над подчиненным.

Но можно ли насилием добиться всего? Не напрасно в священном писании мы находим фразу, что хорошо, когда слуга служит не только за страх, но и за совесть. Этого мораль и старается добиться. Она понимает, что нельзя полицейскому оку проникать всюду, что

фактически невозможно открыть всякий дурной помысел, фактически невозможно пресечь мечом восстание масс, которые сознают свое право. Поэтому желательно отравить сознание людей понятием о совести, которая бы подсказала человеку, даже тогда, когда он один, воздержаться от совершения нежелательного поступка. Подчиниться такому-то порядку—благо, не подчиниться—зло. Нужно установить такую совесть прежде всего в низших классах, а потом—в высших. В высших классах, скажем, в феодальном строе, сюзерены и вассалы клянутся друг другу в верности. Куда будет годиться такой союз, если каждый будет надувать? Надо, чтобы они по совести хранили свои заветы. Правда, если вассал надует сюзерена, то последний пойдет войной на него и накажет его, но это—насилие. Лучше, если вассал проникнется чувством долга, рыцарской чести, которая заставляет его поступиться своими выгодами. Всю эту систему правил нужно сделать священной, незыблемой. Примитивные варварские общества делают это при помощи религии. Выгоды совести заключаются в том, что при ней не нужно следить за человеком. Как религия поворачивает этот вопрос? Она призывает на службу внутреннее чувство человека; это недремлющее око учит, что существует всевидящий бог и незримые духи, которые и следят за тем, чтобы все законы нашего общества, данные нам предками, в точности исполнялись. Всякий, кто придерживается этих законов, находит милость Божию, а кто не придерживается, несет кару. Яркий тип бога Варуна, который в самом глухом закоулке видит и знает, что ты думаешь. Око Варуна есть в тебе самом, в каждом человеке, есть и уста Варуна. Око его подмечает, когда человек поступает неправильно, а уста предостерегают. За устами есть зубы;

эти зубы и производят угрызения совести. Варун этими внутренними зубами грызет провинившуюся душу, когда она не исполняет его заветов. Сознание того, что душа омрачила себя, является источником внутренней пытки. Мы имеем верховного законодателя, полицейского и палача, который, с одной стороны, с небес блюдет законы и с небес карает, а с другой — живет в душе человека, отсюда наблюдает и тоже карает. Вот какого великолепного полицмейстера общество приобретает в лице бога и его святых — от самых важных святых до исполняющих курьезную службу ангелов, из которых один приставлен к каждому человеку.

Чтобы еще лучше закрепить это, разработаны представления о противоположном начале — злом. Когда человеку очень хочется есть, он охотно украл бы принадлежащий господину кусок мяса, но он боится Варуна, который все видит и все знает. Да, может быть, это вовсе не он желает этого куска мяса, а в нем говорит бес, который его смущает и искушает; поэтому он должен всеми силами сопротивляться этому желанию, так как бес подвергает его искушению, желая погубить. Говорят, что при каждом человеке есть бес-искуситель; кроме того, их много носится в воздухе. Бесы всегда подвергают человека искушению. Под влиянием этой мысли, человека от всякого вольного движения его страсти охватывает ужас, и он сам начинает себя бояться. Он чувствует в себе шопот змея, начинающего губить его, как праотца Адама, и, обставленный этими религиозными образами, по которым духи подвергают человека адским мукам, человек оказывается взятым в клещи религиозной морали.

Беда только в том, что религиозная мораль не вечна; она, правда, и сейчас держит миллионы людей, но клещи

ее постепенно, по мере роста образования, теряют силу. Сейчас даже в захолустной деревне мы редко встретим крестьянина, который, если ему в пост хочется молока, сказал бы, что это его соблазняет сатана. Скорее он скажет, что плоть немощна, а это уже шаг вперед, потому что „немощи плоти“ заявляют все больше свои права, и человек начинает критически относиться к самой морали. Он начинает спрашивать, правда ли, что это сказал бог? Он начинает сомневаться во всей религии; все книги, все писание оказывается фальсификацией; гаснет вера в верховного законодателя, в каких-то охранников небесных — святых.

У Достоевского есть прекрасное изображение бунта против религиозной морали. Если Ивану Карамазову, который стряхнул с себя религиозную мораль, от этого большой беды не приключится, потому что его поддерживает другая, новая, высшая мораль, и он осмеливается сказать, что все позволено (зная, что это не значит, будто нужно поступать дурно), то Достоевский предостерегает: „Смотри на твоего брата Смердякова; если ты освободишь его от религиозной морали, то сделаешь его преступником—для него все позволено, значит—все дурное можно делать. Вся буржуазия, частные собственники, члены господствующего класса трепетали и трепещут от сознания того, что падение веры в бога может сразу толкнуть на преступление, на разрушение дорогого им общественного строя. Приведу характерный пример: Вольтер всю жизнь боролся с духовенством; его любимой фразой было: „Надо раздавить мерзавца“ (écrasez l'infame), надо раздавить мерзавца папу со всеми его попами. Но, вместе с тем, Вольтер говорил своему приятелю: „Если бы вы имели такое большое имя, как я, то вы поняли бы, что бог необходим“.

Исходя из этого, он утверждал, что если бы бога не было, то его надо было бы выдумать. Другими словами, просвещенный буржуазный мыслитель Вольтер и ему подобные, поскольку дело касалось общества собственников, не сумели довести до конца борьбу за освобождение морали от религии, так как отказаться от небесного полицмейстера было рискованно.

Тем не менее, образование брало свое. Сама вера сменялась: от самых варварских форм переходила к более тонким. На этой стадии развития передовое мещанство убедилось, что долго на религии не продержишься. Человек перестает верить в рай и ад, но остается моральным, совесть в нем жива,—факт, который нужно объяснить. Кроме этого факта, жива потребность в морали. Буржуа сознает, что если бы этой морали не было, мещане пожрали бы друг друга, как те сказочные крокодилы, от которых остались лишь хвосты. Мораль есть, а религии нет, она выдыхается; религия стала шатка, и опираться на нее значит—провалиться вместе с ней.

Великим выразителем этого переворота был Кант, создатель самой глубокой системы морали, какую буржуазия вообще когда-либо создала. Он тщательно доказывает, что мораль ничего общего не имеет с богом, она автономна. Кант говорил в душе: „На троне сидит долг; он говорит тебе громким голосом правила, слушаться которых ты не можешь. Небесное око, небесные уста и небесные зубы—совесть—превращаются теперь во внутреннюю загадочную силу, живущую в человеке“. Как философ, Кант говорил: „Это не то, что обманчивые чувства любви, дружбы, жалости; нет, долг имеет определенное правило; долг есть повелительный голос, императивный, категорический, он не позволяет сомневаться“.

Кант исходит из такого правила: „Пусть каждый твой поступок будет таким, чтобы его можно было возвести в правило для всех людей“. Другими словами, если мы сказали бы, какие поступки можно возвести в правило для всех людей, то тем указали бы, что такое благо. Если бы мы возвели в постоянное правило поступки, вредные для людей, то общество погибло бы. Отсюда вывод, что нужно поступать так, как это полезно для общества. Поступай так, как должен поступать член общества, желающий наибольшего его благоденствия. Вот сущность кантовской морали.

Человек может не поступать так: я эгоист, я волк, я хочу урвать, сколько могу. Мещанин скажет: я торгаш— „не обманешь—не продашь“, нажиться можно только за счет другого; в нем живет социальная сила, которая старается распространиться насчет других. Это человек— „пожиратель“, это—тип агрессивного мещанина, который может ответить Канту: „Отваливай со своим категорическим императивом, я ему повиноваться не желаю; я руководствуюсь исключительно своим аппетитом!“

Что бы Кант ему ответил? Главным его аргументом было то, что он цепко держался за потусторонность, за таинственность, недостижимость и непререкаемость морали. Он говорил: „Ты ошибаешься; твои инстинкты и желания—вещь брeнная. Ты можешь увлечься в пороках, но общество тебя покарает, чтобы восстановить равновесие твоей души. Огромные же массы нормальных людей не похожи на тебя. Как сердце наше бьется независимо от нашей воли, так совершается и работа нашей совести и долга; как мы не можем остановить сердце и дыхание и не умереть, так не можем прекратить этого голоса, защищающего пред нашими страстями высшие интересы человеческого общества“.

Кант говорил, что есть два чуда: бесконечный мир звезд над нами и голос совести внутри нас. И то и другое есть проявление божества, правда, недоказуемого, но предчувствуемого нашим чутьем.

Вот, товарищи, это представление о морали дожило до наших дней с разными вариациями; оно не могло не дожить до наших дней, ибо собственник чувствует, что он эгоист, и что, с другой стороны, в нем есть совесть, воспитанная поколениями, что она необходима; поэтому он вечно бьется между этими противоречиями.

Возьмите такого колоссального моралиста, как Лев Толстой: как религиозность его, так и все тончайшее разветвление его учения, вытекают из этого построения; он считает, что нет другого доказательства бытия бога, как то, что каждый в себе чувствует доброе начало, что человеку присуще искони добро. Но если бы вы сказали Льву Николаевичу: „Ну, и хорошо, что есть доброе начало; вследствие этого мы можем не нуждаться ни в каком боге; все хорошо, если в глубине души все оказывается хорошим“. Толстой на это не согласился бы. Он говорил, что человек есть злое животное; если взять природу, как она есть, то мы наткнемся на эгоизм, на звериные инстинкты; мораль же есть чудо, это есть доказательство бытия божия, доказательство того, что в человеке есть искра божия. Эта искра, искра божества, занесена извне, и Толстой поэтому делит мир на материю, которая преходяща и вечно умирает и обращается в ничто, и на искру Божию, которая никогда не потухает, так что каждый человек, схвативши эту искру, т. е. свою совесть, раздувши ее в целое пламя, может согреть около него и других, согреться через этот внутренний образ-совесть и осознать свое бессмертие. Из этого учения Толстого и разветвляются все

другие его положения с обязательной логикой и, стало-
быть, в корне толстовства лежат признание наличия
морали, неуменье объяснить ее естественным образом,
нежелание объяснить ее так, а, напротив, потребность
доказать, что мораль есть вещь не от мира сего и, как
небо над землей, возвышается над всем земным
и материальным.

Теперь посмотрим, как дело обстоит на самом деле,
и спросим себя: а что, звери-то в самом ли деле эгоисты,
или, может быть, у них тоже есть искра божия?

Толстой может обидеться на это, но я приведу про-
стой пример: какое начало заставляет кошку кормить
своих котят и защищать их от собаки вплоть до само-
пожертвования, даже курицу заставляет бросаться на
ястреба, спасая своих цыплят? Курица есть живое су-
щество, но так как в ней есть искра божественного
огня, то эта искра и заставляет ее, при помощи кате-
горического императива, поступать так, как всякая ку-
рица должна поступить на ее месте. Это очень натянуто.
Было бы гораздо естественнее сказать таким образом:
„Если бы курица своих цыплят не защищала, то порода
кур скоро вывелась бы. Если бы детеныши родились
беспомощными и если бы их не защищали всеми спо-
собами, то их истребили бы с самых первых дней“.
Отсюда ясно, что простое приспособление для защиты
вида — инстинкт — дает героическую храбрость для само-
отверженной защиты своих детенышей. Совершенно
так же, как подбор естественного развития создает из-
вестную систему аппаратов и орудий, который назы-
вается организмом, то же самое относится к инстинктам,
в том числе к инстинкту самосохранения. У животных
есть чувство большой солидарности; они живут стадами,
обществами, и мы видим пример охраны взрослыми

самцами всего стада, примеры стражи, сигнализирующей, которые требуют того, чтобы отдельные индивидуумы жертвовали всеми интересами в пользу целого, для блага всех.

Существуют муравьи, часть которых приспособлена к защите муравейника. Лбы у них толстые; они становятся около двери и столько времени закрывают ее лбом, сколько требуется для их общества. Тут самоотвержение доходит до крайности. Неужели вместе с медным лбом искра божия проникает в самоотверженное поведение муравья? Нет, у муравья это — инстинкт и он не может не сделать этого движения, как мы не можем остановить движение сердца. Никакого чуда здесь нет, тут просто функционирование муравья, как члена общества. Простой научный подход говорит, что основным элементом подбора эволюции здесь вовсе не является отдельный индивид, а целое общество. Если в данной местности есть волки и лошади, то волки имеют инстинкт нападать на лошадей. Если бы у лошадей не было инстинкта вставать в круг, выставлять копыта наружу и отбивать волчью атаку, то такие лошади вымерли бы очень скоро. Наличие определенного стадного инстинкта так же необходимо для сохранения индивидуума, как быстрые ноги, густая шерсть и всякие другие приспособления самозащиты.

Нельзя ли подойти с этой же точки зрения и к человеку? Конечно, можно. Ясно, что на самой заре человечества люди уже проявляли этот стадный инстинкт. Разумеется, мы не знаем страниц жизни первых людей, это скрыто от нас. Конечно, и тогда первобытный человек жил не один с самкой и детенышами; люди с самого начала жили целыми группами, в которых было несколько старых и молодых самцов и самок и маленьких

особей. Это была кровно спаянная группа, которая имела свою охотничью территорию, чтобы не сталкиваться с другими обществами. И отсюда, из этой первобытной ячейки, стало развиваться человечество. Безусловно, если бы здесь, внутри рода, не было солидарности, люди погибли бы.

Мы видим и у обезьян эту стадность. Нет основания думать, что человек развивался иначе. Не нужно первобытного человека ставить ниже обезьяны. Тот простейший инстинкт, который имеется у обезьян, существовал с самого начала и у человека. При чем, после того, как человек спустился с дерева и свои руки, приспособленные для лазанья по деревьям, освободил для хватанья, после того, как свой мозг обогатил опытом, после того, как он обезьянью сигнализацию разработал в более сложную речь, он должен был осознать по-иному и мораль. Мы находим очень скоро религиозное объяснение морали. Еще нет классов, но мы сейчас же видим, как нарождаются полуклассовые тенденции. Старики держатся традиций, они учат молодых и детей, как вообще надо существовать на свете. У этих стариков есть свои интересы. Эти слабые члены общества, которые не работают физически, которым нужно, чтобы их кормили — это есть первоначальная интеллигенция — вот эта группа стариков очень долго еще в дикарском быту является эксплуатирующей властной силой. „Старики решили“ — часто слышится в таком обществе. У них является стремление ссылаться на предков и их души, закрепить те особенности общества, которые для этих стариков выгодны и, конечно, глупые старики могли только погубить свое общество, а умных стариков слушали. Такие умные старики должны были давать правила, в общем, выгодные и для общества. Так

выработалось первоначальное законодательство, техника, мораль, наука, право и обрядность.

Конечно, когда мы рассматриваем дикарскую мораль, право, науку и все, что связано с этим, то видим столько дребедени и чепухи, что нас берет ужас, и мы удивляемся, как человечество могло существовать с такими представлениями. Но если бы мы знали старый быт, то убедились бы, что тут есть логика, и самыми ценными правилами, глубокими, вескими были те, которые имели большое жизненное значение. Так вырабатывалась мораль. Мораль существовала, она эволюционировала, она изменялась, принимала разные формы, но человек остался. „Зоон политикон“ остался существом общественным. Как член общества, он не может равнодушно смотреть на страдания сограждан. Он радуется, когда видит радость сотрудника или соседа; из этого чувства сорадования и сострадания, без которого примитивные стада не могли существовать, из этого чувства солидарности вырабатывается мораль.

Мы можем теперь обернуть в обратную сторону то, что говорит буржуазная мысль. Мы можем сказать, что первобытный человек должен был быть братолюбив, солидарен. Он почти не отличался своей личностью от других. У него не было личной собственности. В этом смысле люди представляли коммунистическое стадо, и чем коммунистичнее они были, тем более каждый стоял за всех и все за каждого, и тем более такое общество имело шансы выжить.

Великий мыслитель Жан-Жак Руссо говорил, что с появлением частной собственности появился и эгоизм. Не в том дело, как объяснить, что человек солидарен с другими (человеку попросту присущ стадный инстинкт), но как объяснить, что вместе с стадным инстинктом—

„человек человеку волк?“ Ведь, волк — волк только для барана, а человек — человеку волк! Как это возникло? Мы знаем это, и об этом распространяться нечего.

Теперь я перейду к другой полосе явлений. Мы знаем: теперь мораль — вещь естественная, но в буржуазном обществе она занимает неестественное положение, не только потому, что ее считают чем-то божественным и сверхъестественным, но и потому, что функционирует она в высокой степени странно. Душа буржуа раздвоена, как у Фауста Гете, одна душа — душа частного собственника и хищника.

Всякий собственник стремится вырасти, расшириться; отсюда каждый буржуа, согласно положения Смита, грезит о том, чтобы прикарманить себе чужое. С другой стороны, он не желает, чтобы чужой прикарманил себе его добро. Поэтому он склонен к тому, чтобы ему все было можно, но другие были бы связаны правилами. Но этого нельзя допустить: такого человека вышибут. Значит, нужны другие правила. Это досадно. Нельзя ли обойти это стеснительное правило? Пока существует вера, выход из этого находят в покаянии, индульгенции. Некоторые рассуждают так: пусть на том свете будет плохо, а на этом свете хочется согрешить. А когда бога нет, дело обстоит еще лучше. Никакого покаяния не нужно, надо бояться только суда, который посадит на скамью подсудимых, да общественного мнения, которое может заклеить данного буржуа. Общественное мнение может сказать: этот человек уклоняется от правил жизни, без которых человеческое общество невозможно. При чем эти правила могут быть не только предусмотрены государственным законом, но и касаться, например, приличий и т. п. Поэтому, конечно, если вы придете к буржуа и унесете серебряную ложку, он может

.....

потянуть вас в суд. Но если вы тайно от него соблазните его жену, он вас не поведет в суд, потому что неловко. В данном случае та часть буржуазного сердца, которая за то, что своего ничего нельзя отдавать, говорит: соблазнить мою жену—это ужасное преступление со стороны соседа, но если я соблазню его жену, то это не так плохо. Однако, сделать это общим правилом никак нельзя. Поэтому буржуа говорит: жены должны быть верны. Кто соблазняет, не соблюдает правила. Отсюда получается одна бухгалтерия—внешняя, которая осуждает грех, а другая позволяет его, при известном соблюдении приличий. Отсюда лицемерие. Лицемерие есть та дань, которую порок платит добродетели: порок совершается, но он чувствует, что он вторгается в область добродетели; порок прячется, он придумывает оправдывающие себя софизмы. Буржуа расколосся на два лагеря, на два тела, на две души. Буржуа знает, что в каждом городе есть дома терпимости, дома пьянства, игорные дома, и в центре каждого города стоит храм наживы, называемый биржей, где люди без ножа режут друг друга и в кратчайший срок наживаются на чужой счет. Если бы какому-нибудь законодателю пришла в голову мысль закрыть эту биржу, то это бы ему не удалось, потому что сейчас же рядом появилась бы черная биржа. Но рядом со всем этим стоят церкви, в которых проповедуют мораль благочестивые пастыри. Любая буржуазная газета готова расписаться, что необходимы правила, которые каждый джентльмен должен соблюдать, и это внешнее приличие сказалось на всем быте буржуазии и наложило постылые черты на каждого буржуа. Буржуазия, являясь пожирателем детей рабочих на своих фабриках, сняла свои веселые разноцветные одежды, которые она носила во времена Возрождения,

и сменила на черные и серые пиджаки с белым бельем, прикидываясь скромницей. Этот хищник и развратник, который прикидывается таким спокойным и мирным квакером, и есть двойственный буржуа.

При таком положении вещей мораль является бес- сильной, о ней вспоминают только в седьмой день не- дели. Наблюдая же над жизнью буржуа, мы видим свирепое надругательство с его стороны над его соб- ственной моралью в его семейном быту, в ежедневных его проявлениях.

Что же марксизм, как теория пролетарского строи- тельства мира, противопоставляет этой морали? Он прежде всего отрицает всякую потусторонность ее; он говорит, что мораль есть своеобразная форма стад- ного инстинкта с большим количеством разветвлений. Должны ли мы отрицать эту мораль? Нет, мы берем ее в переделку, мы критически относимся к ней, мы спрашиваем себя, что нужно с ней сделать? Правда, Карл Маркс, подойдя к теории Бентама, жестоко вы- смеивает свойство буржуа по-бухгалтерски рассматривать жизнь. Стоит ли жертвовать ею или не стоит? Мощный национальный инстинкт, инстинкт класса или группы, выразителем интересов которой человек является, тол- кает человека иногда на смерть. Каждая личность может быть охвачена массовой идеей, когда она перестает сознавать себя, как личность. Тут она способна на самое героическое самопожертвование. Хотя Маркс противо- поставил бентамовскому расчету живое чувство, которое способно нас толкать на великий подвиг, но он знал, что это чувство может толкать и на глупость. Хорошо, когда это чувство овладевает красноармейцем, который идет на защиту отечества, но вовсе плохо, когда оно охватывает его врага, который идет, чтобы погасить

революцию. В первом случае красноармейцем овладевает святое чувство, и он делает свое великое дело; во втором же случае солдат является жертвой обмана или самообмана.

Поэтому Маркс требовал, чтобы класс осознал свои интересы. Он полагал, что класс своей мыслью постарается прокритиковать импульсы своих поступков. Мы требуем, чтобы человеческая мораль стала сознательной.

Куда эта сознательная мораль должна нас толкать? Прежде всего, ясно, что человеческий эгоизм имеет громадное основание. Маркс в одном месте высказался, против одного интеллигента-мыслителя, который говорил, что в будущем строе люди не будут думать о себе. Маркс сказал, что это расхлябанная, выдуманная доктрина тонконового интеллигента, в котором нет настоящей силы. Человек имеет право и обязан защищать свои интересы; он должен жить полной, цветущей, утверждающей себя жизнью. Человек имеет право на всестороннее развитие своих чувств; все органы его тела, как и его мозг, должны быть развиты правильно. Это может быть основой для развития его вкусов, потребностей и знаний. Он имеет право требовать, чтобы его одежда, жилище были удобны для него; он имеет право требовать, чтобы общество было построено так, чтобы требования, которые оно ему предлагает, были естественны, не губили его личности, не заставляли его свертываться, а помогали бы ему развернуться.

Социалистический идеал должен быть так построен, чтобы способствовать наивысшему развитию каждой личности. С этой точки зрения, в будущем личность будет развертываться гармонично и общество будет ей содействовать, но и в настоящем, пока сформируется

такое положение, человек имеет право на всестороннее счастье. Никто не должен говорить: „Человек, ты обязан быть аскетом, ты не смеешь есть досыта, получать такое-то наслаждение“, наоборот, все, что человеку нравится, он имеет право делать. Но сейчас же необходимо сделать некоторую оговорку: действительно ли жажда наслаждения правильно руководит человеком? Мы не будем говорить о совести. Мы знаем, как бывает с совестью. Человек совершает пошлый поступок, потому что в данный момент поступок доставляет ему удовольствие. Удовольствие проходит, а чувство нарушенного самоуважения остается, страсть становится тише, а голос совести не умолкает, и человек начинает жалеть, раскаиваться, что он так поступил. Вы можете любить курить, никакая мораль не должна запрещать этого удовольствия, как будто невинного, но я не поручусь, что к пятидесятому году вы не узнаете, что вы сократили на десять лет свою жизнь, что у вас легкие загажены, что вы испортили свое здоровье, что вы не скажете: „Какой я был дурак, что занимался этой глупостью“. За употребление алкоголя мораль не должна осуждать человека, но дело в том, что при употреблении алкоголя человек ошибается: ему кажется, что этим он поддерживает организм, в то время как на самом деле организм разрушается.

Получается два этажа в человеке: непосредственные инстинкты, руководящие им в его действиях в данный момент, и суждение о том, какие будут результаты. Какой же моральный тип, с нашей точки зрения, выше? Импульсивный, который отдается наслаждениям в настоящее время, или тот, кто умеет учитывать результаты своих действий? — Конечно, второй тип выше. По крайней мере, биологически импульсивные люди будут разрушать

свое здоровье, они будут совершать поступки, вредные для других. Те же, кто учитывает результаты своих действий, будут делать все, что нужно, чтобы быть здоровым, мудрым, веселым, уважаемым; такой человек имеет шансы оказаться более высоким типом и быть признанным обществом.

Можно сформировать нашу гигиеническую мораль таким образом: человек имеет право на всякое наслаждение, кроме тех, которые ему приносят явный вред. Допустим теперь, что он совершает поступок, приносящий ему наслаждение, но приносящий вред другим. Например, скажем, что человек пользуется всеми наслаждениями жизни, но эти наслаждения подтачивают его организм в том смысле, что создается дурная наследственность. Есть поведение человека, которое загрязняет его, потому что оно отражается пороком на вновь рождаемом поколении. Могут быть и такие поступки, которые идут в прямой ущерб окружающим. Отдельному человеку это не вредно, даже доставляет наслаждение, но другую личность урезывает в ее правах и наслаждениях.

Общество, в котором царит солидарность, — сильнее; в дальнейшем подборе самого общества гибнет скорее то общество, которое не солидарно. Но дело в том, что отсутствие солидарности определяется частной собственностью. Частная собственность есть то, что создает вражду между людьми. Если бы не было частной собственности, если бы работник имел веселый отдых и здоровый труд, тогда бы у него не было никаких импульсов, чтобы причинить вред другим, а, напротив, было бы глубочайшее сознание того, что он способствует огромному счастью всего общества.

У человека может быть тройная оценка поступка:

1) суждение о непосредственных его результатах

Этo помогает ему, если не встать, то становиться на высшую моральную точку зрения. Пролетарий скажет: „Партийная дисциплина нужна, чтобы воспитать самоотвержение в боях. Каждый раз, когда рабочий нарушает дисциплину, он оказывается трусом и шкурником, т. е. человеком, предпочитающим общему благу свою выгоду. Тут не нужно никакого потустороннего голоса; пролетарское сознание в нем говорит ему: „Что ты наделал? Ты пал, ты ничтожество, ты не оказался на высоте!“ Наоборот, когда он отбросит эту слабость, свою трусость, поступит согласно дисциплине, он чувствует, что он поднят, и это дает ему огромную внутреннюю награду за то, от чего он отрекся. Конечно, это не значит, что пролетарий всегда поступает так, но это значит, что обстановка, весь строй материальной и партийной жизни влечет его в эту сторону.

Итак, мы установили, что наивысшим критерием морали для марксизма является общественность. Быть может, что общественностью, социальностью и будет называться то, что до сих пор называлось — моралью.

Теперь нам надо сделать обратный краткий путь и сказать: „Все, что не приносит ущерба общественности, не запрещается нашей моралью“.

Чего же можно требовать, с точки зрения полного развития личности? Того, что не только допустимо, но и является благом, а также всего того, что не противоречит планомерному и наиболее полному развитию личности и что может требоваться инстинктом и жаждой наслаждения, — все это человеку не возбраняется и является благом.

Стало-быть, поведение будущего человека будет определяться прежде всего тем, что он человек, направляющий все силы на благо общественности. Но в гармоническом социалистическом обществе несколько

не будут отрицаться его индивидуальные требования. В нашем пролетарском обществе положение часто будет требовать самопожертвования, ибо мы находимся в периоде борьбы. Сейчас осуществить то, на что мы имеем право лишь по достижении своей победы, не только нельзя, но было бы и преступлением, ибо сейчас это оказалось бы поведением, идущим вразрез с общественностью.

Хотя требования общественности часто заставляют нас поступаться интересами нашей личности, все же каждый коммунист в данное время должен ставить себе такое требование: поскольку общественные обязанности это допускают, я должен изо всех сил стремиться сделать из себя наиболее развитую человеческую личность. Коммунист должен взвешивать, можно ли возложить на себя тяжелое бремя и обязанности, которые подорвут его здоровье? Он сознает, что если бы он сохранил свое здоровье, поучился бы, он мог бы сделаться сильнее для самого общества. Он должен взвесить это; часто единственным решением является обращение к партии. На нем лежит известная обязанность, он не знает, как поступить. Он обращается к своим товарищам с просьбой: „Я мог бы, отдохнув, принести гораздо больше пользы позднее, чем теперь, работая без перерыва“. Очень часто партия говорит: „Хоть и надо тебе отдохнуть, заменить тебя некем, тяни свою лямку“, и коммунист остается на своем посту с глубоким сознанием своей высоты, своего уровня, достаточного для того, чтобы быть подлинным членом своей общественности. Но партия может сказать и так: „Нам хотя и трудно заменить тебя, но нам нужно тебя сохранить, сделать из тебя большую силу, поезжай, отдохни, полечись или поучись“.

.....

Такое или другое решение мы часто принимаем и мы только бываем недовольны тем отдельным членом партии, который решает такие вопросы самостоятельно. Здесь легко впасть в аскетизм или в шкурничество, так как под предлогом отдохнуть и поучиться человек, в сущности, защищает иной раз свои индивидуальные интересы. Легко может быть, что, щеголяя перед собою своим аскетизмом, человек этим самым нанесет самый сильный ущерб общественности и партии, поэтому здесь судьей должно явиться все общество, не отдельный человек, а организация,—это черта, отделяющая нас от всякого индивидуализма.

Я сказал, что всякое удовлетворение инстинкта, если оно не противоречит целям развития человека, является благом. Конечно, и тут могут быть спорные вопросы, как, например, курение. Человек говорит, что это доставляет ему такую помощь, такую поддержку во время работы, такой отдых, что он, пожалуй, не будет считаться с отрицательными результатами.

Такое суждение имеет свое основание. Абсолютного противоречия коммунистической морали в таком положении нет: человек имеет право на наслаждение, человек должен быть счастливым. Разве человек должен быть аскетом? Ничего подобного! Если он отказывается от удовольствия, то лишь в тех случаях, когда это приносит ущерб общественности или вредит его личности. В общем же, он имеет право на наслаждения, которых требует его организм.

Товарищи, я уже сказал, что в обществе, где не будет эксплуатации, осуществление этой морали явится естественным. В обществе, где нет еще победы труда, эксплуатируемые поднимаются до высоты этой морали, потому что общество не может устроить их сколько-

нибудь удовлетворительно; нужда гонит их в солидарные союзы и создает в них своеобразную этику натиска, поднимая борцов за это светлое будущее.

Зато эксплуататор как раз шлет девяносто девять сотых всех сил своей души против этой морали. В то время как эта идеальная мораль несет пролетария вверх, такая же сила течения несет эксплуататора вниз. Если он честный человек, то он будет придумывать тысячи запутанных религиозных философских софизмов, чтобы доказать себе, что он имеет право ездить на чужой шее; он будет придумывать себе оправдание, что это есть закон, установленный богом, установленный природой, что этот закон оправдывает перед другими и в его собственных глазах эксплуатацию другого человека.

В этом смысле у нас существуют две морали: эксплуатирующих — лживая и эксплуатируемых — ведущая вперед. Между нашей моралью и моралью эксплуататоров лежит прослойка: мелкие торговцы, мелкие производители, мелкие буржуа и значительная часть интеллигенции. Они не чувствуют себя эксплуатируемыми и не могут быть названы эксплуататорами. Поэтому они отклоняются в ту или иную сторону, они переплетаются между теми и другими: кто побогаче, примыкает к эксплуататорам, а кто победнее, переходит к эксплуатируемым. Другие переминаются с ноги на ногу и меняют свои убеждения. Они испытывают миллионы мучительных терзаний, совесть у них больная, разложившаяся, у них преобладает то одно чувство, то другое. Они любят поддерживать себя соображениями метафизическими и мистическими, а ищущие ответа в естественных науках обрушиваются в нигилизм, на котором прочной морали не построишь. Они стоят на болотистом месте; спасением для них является только перейти налево,

вылезти из болота на твердый берег и быть поглощенным пролетариатом с его передовой моралью.

Я теперь хочу остановиться на одной стороне морали, которая имеет колоссальную важность,— на половой морали, и не потому, что в ней наше буржуазное общество видит пикантную тему, а потому, что это касается отношения эксплуататоров к эксплуатируемым, в особенности — к женщинам.

Если мы можем сказать, что эксплуатируется пролетарско-крестьянская беднота и средняки, то в особенности сугубо эксплуатируется женщина. Буржуазное общество построено не только на противоречии интересов классовых, но и на противоречии интересов полов. Конечно, это не значит, что все мужчины — эксплуататоры, а все женщины — эксплуатируемые. Нет. Но в каждом данном разделе женщина стоит ниже мужчины, так что в некоторых отношениях женщина даже самого высшего порядка является более бесправной, чем мужчина самого низшего порядка. Это во всех цивилизованных странах. Разберемся в положении женщины. В социальной жизни играет роль только мужчина: он создает государство, он управляет, он судит, он производит, торгует, руководит. Количество женщин, которые принимают участие в этих делах, — ничтожно. Недаром Шиллер, который был не только великий поэт, но и мещанин, говорил, что весь мир для мужчины есть его дом, а для женщины ее дом есть ее мир. Мужчина — добытчик: у него капитал, у него и заработок. Женщина в устойчивом буржуазном обществе, в большинстве случаев, — не добытчица: она живет на капитал, заработок своего мужа и устраивает его индивидуальную жизнь. Он через свою работу связан с общественной жизнью, где он является или каменщиком, или мясником, или полицейским, и по окончании

работы идет в свой дом, в свою частную жизнь, где копошится его жена.

Я скажу потом о тех случаях, когда жена не является всецело живущей за счет своего мужа, а пока для простоты возьмем этот, в большинстве случаев, существующий факт такого бытия женщины. Каждый мужчина, когда он своей работой, своим общественным положением или наследством получает возможность завести свой дом, думает о том, чтобы иметь свою индивидуальную обстановку, квартиру, мебель, может быть, собаку и жену. Тогда он имеет свой благоустроенный частный быт. Он уходит в суд, в театр, в банк, куда угодно, а у себя дома он хозяин; пусть у него не будет горничных, лакеев, а только его жена, но это будет его законная подданная. В церкви, хотя и говорилось: „любите друг друга“, но добавлялось: „жена да любит своего мужа“. Когда мужчина приобретает возможность иметь свой дом, он смотрит вокруг, где бы ему добыть жену; он хочет ее купить. Он говорит: „вы, барышня, сделаетесь моей женой, у вас квартира будет такая-то, образ жизни такой-то, столько-то рожать детей“, — он предлагает эти условия женщине-недобытчице. В некоторых семьях есть несколько дочерей, которые умеют брэнчать на рояле, стучать на машинке, танцевать, а какая их участь? Самое лучшее, если они хорошо выйдут замуж. Поэтому человек на разных полках общества ищет соответствующую барышню, для которой оказалось бы счастьем получить его руку и сердце и то содержание, которое он может дать ей. Получается картина некоторого женского рынка, почти такая же, как картина рынка рабов. Девушку начинают вывозить в свет на балы, мелкие вечера, где мужчины высматривают невест. Производятся общественные

смотрины. Женская конкуренция здесь весьма велика. Если мужчина останется холостяком, то это будет для него только плюсом, потому что он найдет все необходимое для его „счастья“ за более дешевую цену. Если же женщина останется старой девой, то это отразится на ней не только морально, но и физиологически. Женщина теряет не только удовлетворение материнского инстинкта, но и то содержание, которое ей дает мужчина. Конкуренция среди женщин большая, но и среди мужчин бывает, что они стреляются из-за желанных самок.

Конкуренция женщин между собою выявляется сильнее. Все эти моды, туалеты, прикрасы, а также и искусства в роде пения и рисования, музыки и всевозможного рода выставка определенных частей тела,— все это делается именно для того, чтобы показаться более привлекательной. „Идет бой бабочек“, как выразился Зудерман.

↑ Но вот они замуж вышли. Что же дальше?

Тут женщины делятся на два типа. Первый случай: муж не обладает средствами и не имеет прислуги. На таких жен возлагается вся тяжесть черной работы. Второй случай: муж обладает такими хорошими средствами, что он имеет возможность нанять прислугу, чернорабочую, или несколько таких людей. Иногда он освобождает женщину даже от необходимости кормить своих детей. Женщина освобождается от домашних обязанностей, кроме обязанности услуживать мужу. Но эти обязанности не очень тягостны и не очень обременительны. Мужчина требователен при этих условиях. Он говорит: „я тебя обставил, как следует, поэтому ты должна быть такой, чтобы мне было приятно смотреть на тебя“. Это толкает женщину на прикрашивание себя, на внутреннее домашнее кокетство, что сводит ее к положению одалиски, которая всю свою жизнь посвятила

на угождение своему султану. Это наполняет целиком женскую жизнь; женщина настолько опустошена, что начинает рыскать по балам, театрам, устраивает благодетельные вечера, — вообще проводит время в удивительной праздности. Она делается куклой, внутренне пустой, тем презренным существом, каким является большинство наших светских дам.

Лицемерное общество установило правило, которое говорит, что женщина должна быть верна. На самом же деле эта пустая женщина легко поддается соблазну мужчин, и вся жизнь буржуазного общества в такой мере переполнена кадрилию „шассе круазе“, сменой кавалеров и дам, что три четверти буржуазной литературы основаны на этом материале.

Но есть семьи, где женщина становится хозяйкой. Она носит связку ключей на поясе, она знает, сколько у нее бутылок наливок, она сама кормит детей, не выходит из кухни, из детской; от нее пахнут пеленками и пригорелыми котлетами, это те ароматы, которые она всюду за собой носит. Она не смотрит на мужа, как гетера, как желанная самка. Она говорит: „зато я его вкусно кормлю и ему не изменяю“.

У Андреева есть чудное выражение. Жена выходит к мужу в капоте с густым трауром на ногтях. Муж говорит: „ты бы, хоть, милая, как-нибудь приоделась“. Она отвечает: „чай, я порядочная женщина“.

Эта женщина, отдавая себя устройству домашнего очага, думает только о том, чтобы свести концы с концами, чтобы муж не голодал, чтобы заштопать его поношенные брюки. Женщина погружена в эту работу. Чем ниже мы будем спускаться, тем больше увидим, что женщина превращается в труженицу, задвленную рабыню. Это уже каторга: женщина из куклы превращается

в работницу, забывшую себя для своей семьи. Этот образ трогателен, но ужасен. Это трогательный памятник над погибшим человеком.

Конечно, вопрос ставится под другим углом зрения, если женщина не целиком является живущей за счет мужа. Это бывает, когда она принесет приданое. Но самый процесс брака приобретает новые, глубоко отвратительные, черты, когда он основан на расчете. Тут уже дело заключается в том, что молодой человек высматривает жену и говорит: „у меня полквартиры, полдивана, полсамовара, и мне нужна такая женщина, которая дала бы недостающую половину; дело не в том, нравится она мне или нет, а в том, могу ли я основать свой дом с ней на паях“.

У Гоголя и Островского есть прекрасные сцены, где расспрашивают относительно невесты, сколько у нее может быть перин, подушек и прочее. Это может делаться в ином масштабе: сколько акций, сколько океанских пароходов и т. д.? Если вы откроете старую газету, то вы увидите многочисленные предложения: „пожилая дама ищет себе интеллигентного мужчину не свыше 40 лет“ или „молодой человек с высшим образованием, обещающий хорошее будущее, ищет себе пожилую даму с хорошим капиталом“ Тут прямая продажа. Тут мужчина становится в равное положение с женщиной. Но буржуазное законодательство—за мужчин. Женщина не всегда становится хозяйкой того пая, который она внесла, а мужчина—всегда.

Иначе обстоит дело, когда женщина встает вровень с мужчиной, благодаря заработку. Муж пошел в один банк, а жена—в другой; иногда она учительствует. Создается отношение несколько более нормальное, но обеспеченный мужчина скажет: „Брось свой заработок

и оставайся дома". Только необеспеченный мужчина идет на эту чуждость интересов и на постоянные споры между двумя людьми, из которых каждый имеет свою индивидуальную жизнь. Правда, есть рабочие семьи, в которых это является общим правилом; там в редких случаях женщина не работает. В большинстве случаев, пролетарская женщина работает. Конечно, эта работа, которая тянется 9—11 часов, отрывает ее от мужа. Она приходит домой усталая, как и муж. Но муж пришел и лег отдыхать, а она чистит картошку и готовит ужин. На ней лежат дополнительные заботы, которых не знает муж. Муж может пойти на собрание, а жена должна целиком убить остаток своего времени. Она должна выполнить обязанность кухарки и няньки, которые должны вместиться в отдых, оставленный ей фабрикой.

Каково же решение этого страшного вопроса? Каждый класс приносит свое решение. Для крупного буржуа — этого вопроса не существует, он доволен. Мелкий буржуа решает этот вопрос так: „нельзя, чтобы жена работала на фабрике; женщина должна быть в кухне и около детей. Надо создать только эту кухню, эту детскую, хоть чуточку получше. Надо, чтобы мужчина получал заработок побольше. Это — разложение семьи, когда женщина идет на службу". С этой точки зрения, еще во время I Интернационала прудонисты ставили вопрос так: рабочие должны добиваться законодательного воспрещения женского труда. Мещанин при этом преследовал две цели: с одной стороны, ему хочется иметь женщину, целиком ему служащую, а с другой стороны, он не хочет иметь дешевого конкурента. Женский труд всегда дешевле. Он чувствует, что ему создается конкурент и поэтому он хочет конкурентку сбить,

он хочет выпереть ее из зубо­врачебного кабинета и пр., он хочет загнать женщину в кухню.

Не совсем так смотрит на дело интеллигенция. Мужская часть интеллигенции, в большинстве случаев, смотрит именно на адвокатскую, врачебную отрасль и т. д., как на свою собственную, поэтому неудивительно, что их литература становится ареной борьбы. Интеллигент есть существо очень злое. Чтобы оправдать свое отношение к конкуренции он вырабатывает очень стройную теорию, например, в отношении к еврейству. Поскольку доминирующий интеллигент какой-нибудь страны чувствует, что еврейское население, с его навыком к городской жизни, приобретенным в течение целых тысячелетий, преуспевает на поприще ему присущих общественных функций, он проникается чувством конкуренции, ему хочется устранить конкурента и он создает специальные расовые доктрины, доказывающие, что евреи представляют особую породу людей и т. д. Он хочет ограничить права еврея, он хочет поставить его в особые условия. На самом деле в нем говорит расчет: он чувствует, что если бы такой-то Израильсон не занимался адвокатской практикой, он сам мог бы получить лучших клиентов. Это еще долго будет лежать клеймом на значительной части интеллигенции.

Так же относится интеллигенция и к женщине. За время войны женщина заняла массу отраслей труда и вполне заменяла мужчину в некоторых из них. Значит, и здесь мужчина стал бороться со своим новым конкурентом. Буржуазная интеллигенция придумывает программные книги, в роде „Пол и характер“, Вейнингера, где он говорит, что женщина есть искони злое и тупое существо и т. д. Что если у какой-нибудь женщины есть хорошие черты, то это потому, что она

мужеподобна. Настоящий мужчина — ангел, а настоящая женщина — ведьма. Вся эта теория имеет ту основу, что сам этот философствующий интеллигент является представителем сотни тысяч людей, борющихся за свое существование. „Если бы мы выгнали женщину из конторы, из медицинской и юридической практики, то мы заработали бы больше!“ Это чувство распространяется и на брак и меняет взгляды на него. Женщина-кукла порхает и является лакомым куском, но, ведь, она так себя ведет для окружающих мужчин! А если она является кухаркой, то она кричит: „Загубил ты меня, мучитель. Что ты из меня сделал?“ Когда два этих человека являются усталые домой, начинаются вечные ссоры, и тогда к этому примешиваются разные теории о низости первоначальной сестры Евы.

Интеллигентские женщины создали феминистическое движение; это движение имеет целью завоевание себе места на общественном поприще. За это борются женщины не пристроившиеся, или когда они имеют бедных мужей, и им нужно завоевать общественное положение. Они создают разные лиги, вплоть до известных своей энергией английских суффражисток. Затем эта теория в руках интеллигентских женщин приобретает также мужефобский характер. Женщина заявляет, что мужчина искони был тираном, что борьба полов есть исконное начало. Они создают миллионы сказок и глупых софизмов об этом непримиримом бое между мужчиной и женщиной. Эти теории отнюдь не украшают нашу жизнь, а становятся часто побудительным импульсом для пошлых, калечащих жизнь, неприятностей.

Пролетариат разрешает вопрос совсем иначе. Он говорит, что мужчина и женщина созданы друг для друга. Они могут быть товарищами по работе и по борьбе,

могут доставлять величайшее наслаждение друг другу и могут рождать детей, что является огромным счастьем и базой всего общества. Никакой вражды между мужчиной и женщиной в естественном порядке существования не может быть, наоборот, Фейербах говорил, что в нормальном обществе будут преклоняться друг перед другом и будут говорить: „Не я, а ты“, и в этом будет состоять развитие человечности. К этому нужно прибавить, что обыкновенно человек ищет такого „ты“ в другом человеке: мужчина — в женщине, женщина — в мужчине ищет дополняющую часть, которая вместе с ним создает законченный цикл человечности.

В будущем это будет коллективная влюбленность женского начала в мужское и мужского — в женское. Мужчина будет стараться быть мудрым, сильным и красивым, великодушным, быть другом женщины, окружать ее любовью и нежностью, потому что она дает ему самому величайшее счастье и обеспечивает продолжение вида. Точно также женщина будет стремиться дополнять своего друга в качестве человека другого пола, не в качестве куклы или кухарки, но равной по духу, только с другими чертами этого духа, не менее, чем мужчина, способного к творческим созиданиям и научным полетам мысли и всяким другим выражениям полноты физического и психического существа.

Какой путь к этому? В отличие от мелкого буржуа, пролетариат говорит: „Это хорошо, что женщина пошла на фабрики и в конторы. Надо только, чтобы она стала вполне рядом с мужчиной, чтобы она пошла и на свои собрания и на общие собрания с мужчинами. Но в настоящее время конкуренция с мужчинами выталкивает ее из социальной жизни и заставляет ее подыскивать свой круг, где она перестает быть курицей и бабочкой,

.....

выходит на широкую дорогу человеческой жизни. Наше дело — этому помочь“.

Перед нами на этом пути стоит большой вопрос. Можно сказать: „Конечно, хорошо, что женщина стала работать, что она вошла в союзы и партию, что стала бороться вместе с мужчиной. Но семья тогда как?“ Вот представим себе семью, где муж и жена работают. После восьмичасовой работы они идут на митинг. А дети, а ужин, а чистота? Женщина все-таки не может этого совместить. Правда, в очень хорошей товарищеской среде муж может сказать: „Я буду готовить по понедельникам, средам и пятницам, а ты — по вторникам, четвергам и субботам“. Очень часто смеются и говорят: „Ты, товарищ, превратился в бабу“. Сознательный рабочий отвечает: „Но надо в некоторые дни превращаться в бабу, чтобы моя жена в эти дни превращалась в человека. Мы хотим делить тяготы нашего хозяйства, как делим между собой тяготы общечеловеческого хозяйства. Не нужно, чтобы для женщины весь мир был в кухне, нужно, чтобы и она выходила в широкий свет“. Но что было бы, если бы все наши мужчины пошли хозяйничать? Это было бы ужасно. Общий уровень движения вперед от этого опустился бы, и мы очень надолго задержались бы в своем развитии. Вот почему окончательного решения мы в буржуазной среде дать не можем, но наметить его возможно.

В нашем коммунистическом обществе, чтобы помочь женщине, надо убить кухню, и мы это сделаем. А что нужно убить и что нужно сделать, чтобы порхающая бабочка высшего круга превратилась в человека? Это не наша забота! Но что касается миллионов тружениц, здесь нужно убить маленькую кухню, убить маленькую прачечную, маленькую детскую, нерационально

устроенную, с усталой матерью, отнюдь не педагогом, с рахитичными детьми. Как это сделать? Убить прачечную, кухню можно, только создав огромную общественную кухню, прачечную, детскую. Там будут работать в кухнях — образованные кулинары, в прачечных — специалисты этого дела, пользующиеся паровыми электрическими машинами инженеры, в детских садах и яслях — настоящие врачи, педологи и педагоги. Если бы это было сделано, то мы освободили бы женщину от тяжести лежащего на ней гнета, мы дали бы ей лишний импульс выйти на настоящую общественную дорогу. Это есть тот прием, благодаря которому мы можем совершить переворот в положении женщин.

8 марта весь мир празднует, по призыву Коминтерна, день работницы. Всеми рабочими перед всеми правительствами будут сделаны громадные усилия, чтобы помочь женщине выйти на дорогу. В этом усилии Россия не должна остаться сзади. Конечно, при нашей бедности, такие реформы производить трудно, но мы должны их производить, если мы хотим создать материальную основу этого переворота, столь важного, потому что, совершив его, мы втянем в общественную жизнь целую половину человеческого общества.

Крестьянство, конечно, останется надолго в прежнем состоянии. Но поскольку кооперативно-просвещенное село втянется в эту же общественную обстановку, в детские дома, в общественную кухню, постольку постепенно освободит самое многострадальное существо, ту женщину, которую горькими слезами оплакивал Некрасов, которая заслуживает не менее горьких слез у всех народов мира.

Как мы отнесемся к браку? Мужчина и женщина необходимы друг другу и созданы для того, чтобы любить друг друга, потому что природа дает высшее счастье

одному через другого. Не нужно, чтобы любовь приобрела акушерский характер. Теперь часто говорят: „Поэзию ее создало рыцарство, а мы должны отнести к ней просто, как к физиологии, и basta!“ Так говорить, это значит — сделать из любви плоскость, и всю нашу жизнь сделать серой. Любовь является великим украшением жизни. Она заставляет природу цвести, играть красками, петь чудеснейшие песни, танцевать великолепные танцы, и мы знаем, что человечество, освобожденное от гнета труда и рабства, не делается прозаическим и серым, а, наоборот, из половой любви создаст такие шедевры счастья и наслаждения, о которых мужчине и женщине прежних поколений и не снилось. Мужчины и женщины в будущем создадут огромную поэму любви. Но это они сделают на началах полного равенства, на началах глубокого товарищества. Будет ли это единобрачие, или многобрачие, кому до этого какое дело? Мы говорим, что всякое наслаждение допустимо, если оно не вредно. Вот если человек пускается в половые излишества, если он подличает, бросает беременную женщину на произвол судьбы, то он принесит огромный вред. Но если он заключает союз с женщиной и прожил с ней жизнь, то это прекрасно. Они создали прочный союз, гармонию, и, наоборот, если мужчине пришлось несколько раз переменить женщину в период своего расцвета и это не может отразиться вредно на нем и обществе, нет никакой причины стоять за единобрачие. То же относится к женщине.

Мы знаем, что ревность с ее чудовищными сценами, когда женщина говорит: „мой муж“, или муж говорит: „моя жена“ и готовы глаза выцарапать соперникам, — это неуважение друг к другу. При условии же уважения друг к другу, ясно, что ставить такие укоры, как:

*отом
взимо*

и

„ты меня не любишь, а я тебя люблю!“ — невозможно. Как можно требовать от другого принести себя в жертву и калечить его жизнь? Надо быть мужественным и найти утешение в другой женщине или в своем деле. Надо постараться сдержать себя и не кричать: „ах, я лишу себя жизни, если ты меня не любишь!“ Это все отпадает, как и такое представление, что если мужчина живет с двумя женщинами или женщина с двумя мужчинами, то это позор. В некоторых обществах есть факты многожества; конечно, многоженство встречается гораздо чаще. При условиях равенства такие комбинации возможны, и никто не может сказать, чтобы они были индивидууму или обществу вредны.

Однако, эта свобода должна быть ограничена. Общество может сказать: „Мне нет дела до того, как ты устроил свое счастье; устраивай так, как считаешь за лучшее, но не обижай женщину: она слабее тебя“. Ведь, все-таки женщина всегда будет рождать детей и кормить их, и физиологическое строение организма будет всегда делать ее более слабой; она всегда будет иметь некоторый ущерб по сравнению с мужчиной. Затем ясно, что если мужчина вступил во временный брак с женщиной и уходит, то трудно доказать, что он отец этого ребенка. А женщина видит, что девать его некуда, если она его не подкинет или не убьет. Это всегда отчасти будет так. Ребенка больше любит мать, и он больше связан с матерью. Естественнее материнское чувство, чем отцовское, поэтому защита матери и ребенка должна лежать на обществе.

Когда не будет государства, нам не нужно будет суда иного, кроме общественного мнения. В то время люди перевоспитаются таким образом, что будут карать общественным мнением человека, который обидел

в любви женщину, и будут считать его негодным человеком, человеком низшего типа. Это будет так стихийно, так естественно, что в общественном мнении он будет не менее отталкивающим, чем алкоголик, убийца.

Коммунистическое воспитание имеет огромное значение. В половой области могут быть всякие эксцессы, могут быть многочисленные ошибки, наносящие вред женщине. Стоит вспомнить историю с абортами, которые наносят женщине огромный ущерб. Для того, чтобы этого не было, нужно уметь тонко разбираться в этих вопросах, нужно дисциплинировать себя, нужно уметь маневрировать так, чтобы получать максимум наслаждения и не причинять вреда себе и другим. Коммунистическое воспитание прежде всего должно развить тонкость чувства в отношении к другим, развить тонкость общественного инстинкта. Человек будет постепенно подниматься, при чем мы будем иметь преобразование как общества, так и самого человека. В силу экономических условий и в силу правильного воспитания, самоанализа и самодисциплины, он поймет, что отцом и матерью зря быть нельзя, что это есть один из тончайших видов творчества. Человек поймет, что надо оздоровить человечество.

Этот один из видов евгенического перерождения человечества, идущего в параллели с коммунизмом, оно приведет к тому, что вопросы половой морали разрешатся в сторону высокой общественной морали, в высокую форму общественности.